

## «2.000 КРОН»

Разные были в моей жизни сочельники. И благостно-тихие в далеком детстве, и умиленно-грустные, и одинокие, и уютные, и счастливые, и голодные, и шумные в последующей жизни. И был между ними один, ничем на другие сочельники непохожий, о котором я до сих пор не могу вспомнить хладнокровно.

Было это в приморском городе, куда меня закинуло волею судьбы, и где я в то время сидел за рулем старого и поместительного „Грахам-Пэдж“. Промозглым вечером, когда уже замирали падавшие с готических колоколен перезвоны, и кое-где в домах догорали елки, я выехал на работу. Чтобы не распространяться о том, какие чувства и мысли меня волновали, скажу только, что было в них больше горечи, чем сладкого трепета. Как всегда в такие дни, вспоминались разные подробности и мелочи из жизни, ничего общего с действительностью не имевшие и только еще больше бередившие старые раны. Я ездил между вокзалом и городом, развозил запоздавших из провинции дельцов-мужей, оживленные парочки, молодых людей с цветами, озабоченно спешивших на елку в семейные дома, и искренно всем этим людям завидовал. Последний поезд приходил что-то около полуночи. У вокзала, когда я подъехал, уже стояло несколько моих коллег. Я встал в стороне и, чтобы не принимать участия в общем разговоре, остался в машине и завернулся в

шубу. Подошел поезд. Вышло человек двадцать пять. Из них половина разбежалась в разные стороны, а остальные разобрали моих коллег. Я готовился уже было отъехать, как тень от вокзального фонаря заслонилась и кто-то быстро скользнул в машину.

— На Магазинную! — сказал за моей спиной могильный голос, от которого, буквально, у меня мурашки побежали по спине и живо вспомнились Минцлов и Гоголь, тем более, что Магазинная была районом кладбищ.

Рассуждать, однако, в нашей профессии не приходится, поэтому я развернул машину и мы поехали по мокрому и пустынным в этот час улицам. До Магазинной, как на зло, надо было проехать через весь город, казавшийся особенно унылым в эту ночь.

Седок за моей спиной не двигался, однако, я совершенно отчетливо чувствовал, как меня охватывает беспокойство, и нога против воли сильнее нажимает на рычаги. Не скажу, что я робкого десятка, но тут, въехав на Магазинную, мне захотелось поскорее высадить моего неуютного пассажира. Однако он молчал, а машина неслась все дальше, мимо кладбищ с одной стороны и бесконечных строений городской больницы с другой.

Наконец, он постучал мне в спину. Я остановился. Перед нами был пустырь. Мой пассажир открыл дверцу, но не сде-

даже попытки подняться. Тогда я зажег свет и повернулся к нему.

— Погасите!..—сказал он повелительно. Пришлось покориться. Несмотря на поднятый воротник и нахлобученную шляпу, я успел рассмотреть, что это тощий субъект общеинтеллигентского типа, со шпательной усой и с роговыми очками. Внешность, во всяком случае, не соответствовала могильному голосу, и на душе у меня сразу стало легче.

Проходили мгновения, минуты. Похоже было на то, что мы кого-то ждем. Молчание нарушалось мерным бегом счетчика и прерывистым дыханием за моей спиной. Вокруг была тишина ночи; в тумане за нами неясно мерцали фонари Маврикийской.

Вероятно я задремал. Через некоторое время я очнулся от того, что седок снова ткнул меня в спину:

— Дайте свет!

Он поднял руку к лампе и посмотрел на часы. Никак галантное приключение?—вспомнула у меня догадка,—хотел-бы я посмотреть эту Дульцинею!..

Желанию моему, однако, не суждено было сбыться. За моей спиной снова прогудело:

— На вокзал!

Тут я посмотрел на часы. Была половина второго. В два с чем-то отходил почтовый поезд.

Мы снова понеслись по безмолвным улицам. Размышлять о нашей поездке и о недавней неудаче моего седока у меня уже не было желания. Я испытывал скуку и решил поскорее избавиться от него.

У вокзала было пусто. Сиротливо держал на площади поднявший воротник мажорантский.

Я подъехал к главному подъезду, но седок мой указал на товарную станцию в стороне. На перроне, как всегда перед отходом поезда, было заметно оживление. Однако, мой пассажир не торопился ни расплачиваться, ни выходить. Я повернулся к нему уже нетерпеливо:

— Паровоз уже подан.

— Это меня не интересует!..—буркнул в ответ из темноты машины.

Мысль у меня заработала живее: что за шутка, уже не выслеживает ли он кого-нибудь?.. В руках портфель: может быть агентом розыска и политической полиции... Мало-ли чего не делается под прикрытием охельника и темноты! И увлеченный этой мыслью, я сам прильнул к стеклу и стал следить за суетой на перроне.

Через какую-нибудь секунду поезд тронулся и моему неопытному взору не пред-

ставилось решительно ничего, кроме ряда классных и товарных вагонов. Я был разочарован, но седок мой был, очевидно, иного мнения, потому что из машины снова прогудело:

— На Двигатель!

Я подумал, что ослышался. Двигатель был ближайшей железнодорожной станцией, сама по себе поездка ничего особенного не представляла—нам приходилось постоянно возить туда запоздавших пассажиров—но уж очень нелепым показалось мне догонять почтовый поезд, который и тут ведь был, по крайней мере минут десять в нашем распоряжении! Но рассуждать было некогда, и мы снова понеслись уже бодрее.

Стук счетчика приятно баюкал слух, а цифры на нем даже веселили. Я нажимал на газ, стрелка спидометра бешено колебалась. За нами свистел ветер и летели ударявшиеся о машину камешки гравия. Черта города была давно позади; впереди уже горели огни семафоров.

Мы подлетели к станции. Гул поезда приближался.

— Сколько?—торопливо бросил, открывая дверцу, мой седок. Я назвал астрономическую цифру и услышал в ответ:

— Сдачи не надо!

Поезд уже подходил к станции. В моих руках хрустнула бумажка, щелкнула дверца, и мой седок исчез в темноте.

Не торопясь я поднес руку с бумажкой к свету и обомлел: это была самая обыкновенная обертка от шоколада!

Я бросился из машины: поезд не спешил отходить от станции, посылая в темноту вздохи и снопы искр. Мои отчаянные проклятия и выкрики потонули в лязге вагонов и шуме колес. На станции, конечно, никто не видал никакого пассажира.

Я не поехал на стоянку, а свернул к себе домой и, посылая тысячу проклятий на голову своего коварного седока, завалился спать.

Проспал я с отчаянья чуть-ли не весь первый день праздника. Первое, что я увидел проснувшись, был брошенный вместе с перчатками на стол номер вчерашней газеты, в которую я так и не успел заглянуть накануне. Я зажег папиросу и потянулся за ним.

На первой странице, сразу под хорошо знакомым названием, в еловых ветках и колоколах по случаю праздника, вместо передовицы стояло крупным шрифтом:

„2.000 крон вознаграждения за поимку кассира Государственного банка“. Дальше шли подробности грабежа и описание внешности кассира, а сбоку на меня смотрело знакомое лицо в роговых очках...